

МАША

ТРАУБ

МИЛЛИГРАММЫ СЧАСТЬЯ

Маша Трауб

Миллиграммы счастья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39420001

Миллиграммы счастья: Эксмо;

ISBN 978-5-04-098569-2

Аннотация

Эта книга – о самом дорогом, что у меня есть: детях, муже, маме, друзьях. А еще здесь – смешные заметки о школе, поездках, отдыхе и работе. Сборник сумбурный, таково свойство памяти. Он – о счастье быть матерью, женой и дочерью.

Маша Трауб

Содержание

Про бабушку – трижды вдову, которая мечтает выйти замуж по любви	9
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Маша Трауб

Миллиграммы счастья

* * *

Каждый день в жизни обычной семьи происходят разнообразные события. Возможно, они кажутся совсем незначительными, но для семьи имеют огромное значение. Я записывала то, что происходит вокруг, с нами, с нашими друзьями и знакомыми. Милые, незамысловатые сюжеты и происшествия, которые случаются в любой семье, где есть дети, бабушки, дедушки, тети, дяди, друзья и знакомые. Я называла свои наброски «почеркушки». Что в них правда, а что нет? Все правда. Если вы спросите об этом моего мужа, то он будет утверждать, что я все выдумала. Если вы спросите моего сына, то он подтвердит, что ничего описанного и в помине не было. Моя мама в ответ на тот же самый вопрос расскажет еще десять историй, а дочка пороется в дневнике – она скрупулезно его ведет – и назовет дату и даже время произошедшего. Эти заметки – мой, материнский, взгляд на нашу жизнь. То, что запомнилось мне, и то, что я хочу бережно хранить в своей памяти. Впрочем, как и любая мама.

Имена, естественно, подлинные. Меня зовут Маша, моего мужа – Андрей, мою маму, нашу единственную и обожаемую

бабушку, – Ольга Ивановна. Дочке Серафиме, Симе, девять лет. Сыну Василию – семнадцать.

Ну вот хотя бы то, что произошло сегодня. Мы готовимся к празднику – Симе исполняется девять. Подготовку начали, как водится, сильно заранее. Планируем развлекательную программу, выбираем торт и цвет шариков. Я бы все успела дней за пять до праздника, но дочь пошла в отца – она составила подробный список дел, которые предстоит сделать в рамках подготовки. Я уехала в командировку буквально на сутки. Вернувшись, включила телефон, где уже было несколько пропущенных звонков от родителей Симиных одноклассников. Оказалось, что в мое отсутствие дочь нарисовала приглашительные и раздала тем подружкам, которых хотела видеть на своем дне рождения. Я уставилась на календарь – до даты оставался месяц. Но каково было мое удивление, когда мама Насти сказала, что не сможет принять приглашение, поскольку они уже приняли другое – на этот же день. Мама другой подружки, Кати, тоже из класса, сообщила, что просто разрывается – у них тоже два приглашения на эту дату. Первое они получили на неделю раньше второго, то есть нашего. Но Катя хочет пойти к Симе, поэтому они постараются попасть на два праздника и, возможно, опоздают. Только пока непонятно, к нам опоздают или к другому имениннику. Я еще раз сверилась с календарем – проверила дату и даже год, в котором мы живем, и опять ничего не поняла. Ну да, действительно, до дня рождения еще целый

месяц.

– Не понимаю, я сошла с ума? Это же обычный детский день рождения. Не Международный экономический форум и не чемпионат мира по футболу!

– Не вижу разницы, – ответил муж.

А я вижу. Я устроила столько детских дней рождений, что могу работать ивент-менеджером, и прекрасно знаю, что все запланированное рухнет в один момент. Дети вдруг заболевают или уезжают к бабушке на дачу, делают прививку или просто просыпаются в плохом настроении и никуда не хотят идти. А те, кто сказывался больным и занятым, вдруг сообщают, что будут непременно. Хотя и это не гарантия. Вдруг в этот же день оказывается день рождения у тети или двоюродного дяди, которые праздновать не собирались, но вдруг решили. А тетя важнее. Кто бы спорил.

Но потом, когда я ехала в такси из аэропорта, позвонила мама мальчика, который тоже имел счастье родиться в один день с моей дочерью, и спросила: «Как мы будем делить детей?» У меня после самолета одно ухо было заложено, я мечтала о горячем душе и чае и меньше всего была готова делить детей. Оказывается, ей уже две мамы сказали, что было бы неплохо, если бы мы с ней объединили наши праздники, и тогда ни к кому не надо было бы успевать. Но мама не хотела объединяться, поскольку они с братом родились в разные годы, но в один день и это осталось детской травмой на всю жизнь. Она ненавидела свой день рождения, который отме-

чала вместе с братом. Как в детстве, так и сейчас. Она всегда хотела иметь свой собственный день рождения. Так что своего сына она ни с кем объединять не хочет.

– Конечно, – сказала я, поскольку последний час из-за глухоты на всякий случай со всем соглашалась. Согласиться проще, чем переспрашивать.

– Давайте вы возьмете девочек, которых не пригласил Степа, а мы заберем мальчиков, – предложила мама.

Меня не было в Москве сутки. Казалось, что я отсутствовала как минимум год. Лихорадочно пыталась понять, кто такой Степа и как зовут его маму. А еще – как она выглядит, чтобы вспомнить, как я к ней отношусь. В том смысле, видела я ее или нет в принципе и какое она оставила впечатление.

К тому моменту, когда я добралась до дома, дележ детей не закончился. Две девочки точно хотели прийти на день рождения к моей дочери, а не к Степе, поскольку успели выяснить детали развлекательной программы. У Симы будет сладкая вата, у Степы – прыжки на батутах. У Симы пройдет мастер-класс по изготовлению липких червяков из полимерной слизи, у Степы – эстафета с лазаньем по канатам и прохождением лабиринтов. У дочки – торт с бабочками, у мальчика – с футболистами. У Симы в качестве «отдарков» – бусы и браслеты, у Степы – конфеты и печенье.

Я уже гадала, что такого придумает мама Степы, чтобы переманить детей на праздник. Сима спрашивала, можно ли заказать на дом, помимо физико-химического шоу, где все

шипит, взрывается, сверкает и клубится, еще зайчиков, ежежиков или обезьянок. Живых. Ну или хотя бы крокодильчика. Я ответила, что могу заказать ей все, включая Карлсона, но в этом случае она не получит ни одного подарка и лишится шаров, сладкой ваты, гироскутера, о котором она мечтала, и полимерных червяков. Причем на ближайшие два дня рождения. Потому что живые крокодилы с вызовом на дом стоят очень дорого.

Разговоры про дележ детей вдруг утихли. Видимо, Степа попросил у мамы слона, чтобы перебить Симиного крокодила.

Эти «почеркушки» – о крокодилах, которых просят дети. О школьных буднях и о неожиданных визитах бабушки. Они о том, что каждая мать живет сегодняшним днем, потому что завтра непременно случится событие, по сравнению с которым вчерашнее покажется ерундой. Эти истории для мам, которые так устают, что не могут вспомнить и половины из случившегося. Я их записала. Вспомните домашние задания, нерешаемые задачи, испеченные булочки, поделки на школьный конкурс, над которыми вы сидели ночами, вместе со мной. Наверняка у нас общие воспоминания.

Про бабушку – трижды вдову, которая мечтает выйти замуж по любви

Школьный спектакль. Моя дочь Серафима танцует в кордебалете. Пригласили бабушку, мою маму. Она, естественно, заявила за две минуты до начала, хотя я умоляла ее приехать пораньше. Но бабушка любит эффектные появления. Я, как ее увидела, решила сделать вид, что с ней не знакома. Утром она зачем-то решила покрасить волосы, чтобы сиять свежей аристократической сединой. У мамы от природы темные волосы. Она очень рано поседела и всю жизнь красилась. Потом ей это надоело, и она решила быть... натуральной. И лысой. Для сюрприза она тоже выбрала школьный спектакль внучки, только прошлогодний, и заявила с коротким белым ежиком на голове. Даже я ее не сразу узнала. Но мы быстро привыкли. И уже не шарахались от лысой бабушки. И тут мама заявляется с прической цвета «синька». Да, с синими волосами сейчас модно ходить. И с розовыми тоже. Если речь не идет о вашей маме. Ей приспичило сменить имидж в шесть утра, и она удивилась, что ни один салон в это время не работает. Так что решила обойтись собственными силами. Новый цвет волос она подчеркнула кофточкой фиолетового цвета, хотя обычно предпочитает черный. Ну не могла

же я сказать собственной матери: «Женщина, вы кто?»

Я запретила ей кричать, свистеть и отпускать замечания. Но разве маму это остановит? Она кричала «браво» и свистела, засунув в рот два пальца.

Потом она познакомилась с физруком и, кажется, даже с ним выпила. Повод нашелся: наша бабушка увидела фотографию внука Василия, который позировал после победы на соревнованиях по футболу. Фотография, причем старая, висела на стене в школьном коридоре. Мама всем сообщала, что это ее внук, и требовала, чтобы проходящие мимо восхищались. Физрук Сан Саныч проходил мимо, узнал любимого ученика и подвел бабушку к фотографии Васи после победы в шахматном турнире. Это он, конечно, зря сделал, поскольку мама предложила сыграть «партейку», и все закончилось плохо для Сан Саныча. Мало того что он проиграл, так еще и нарушил спортивный режим, поскольку бегал за коньяком. Он-то думал, что играет с бабулей с синими волосами в фиолетовой кофточке, а играл с мастером.

А еще через некоторое время мама пропала. Ни в школе, ни на школьном дворе ее не обнаружилось. Телефон отключен, естественно. Сан Саныч сидел над шахматной доской и силился понять, что это вообще было. На вопросы не реагировал. Нашлась синеволосяя бабушка рядом со школьной помойкой, куда деликатно удалилась покурить. Увидела меня, перепугалась, бросила незатушенный бычок в мусорный контейнер. Туда же она механически бросила петарду, кото-

рую прихватила с собой, чтобы отметить успешное выступление внучки. Из контейнера пошел дым. «Уходим!» – сказала мама и припустила бодрой трусцой.

* * *

Спустя пару недель мама приехала в гости. Мы собирались в ресторан. Она зашла, разделась, но отказалась снимать «шляпку». Вместо «шляпки», кстати, у нее была шапка с бабочками-стразами по всей голове.

– Мама, обещаю, я все равно отвезу тебя в ресторан. Показывай!

Под шапкой мамин аристократический седой ежик, впоследствии «синька», оказался задорного оранжевого цвета с вкраплениями зеленого и пятнами черного. Как будто в стиральную машинку засунули панду с жирафом и крокодилом. И туда же – мамину голову. Она же утверждала, что смешивала оттенки «пепельный блонд» и «платиновый шик».

Одна моя знакомая работала парикмахером и рассказывала, как к ним в салон пришла милейшая бабуля в розовом берете и, смущенно стягивая головной убор, попросила «как-нибудь это исправить». Цвет ее волос оказался в тон берету.

– Меня попугай не узнает, – чуть не плакала бабуля.

И вот я решила, что подарю маме попугая. Может, хоть это ее остановит от дальнейших экспериментов. «Пожалей птицу, – сказала знакомая, – заведи что-нибудь конкуренто-

способное. Например, хамелеона».

– Мне надо в аптеку, – объявила мама по дороге в ресторан.

Я затормозила.

– Сходите с бабушкой, – попросила я мужа и сына.

Оба отказались наотрез. Пришлось выползать мне. В аптеке была очередь.

– Пропустите! – воскликнула мама.

– На каком основании? – поинтересовался пожилой мужчина.

– Я – трижды вдова, – объявила мама и сняла шапку.

Мужчину сдуло.

– Мам, ты дважды вдова, – напонила я.

– Это только официально, – ответила она.

В ресторане мама вышла покурить. Долго не возвращалась. Я пошла проверить, куда она запропастилась. Запропастилась она недалеко, но в чужой шубе, которую перепутала со своей. Номерок она, естественно, забыла. Шубу вернули хозяйке, маму вернули на место. Через пять минут прибежал гардеробщик с пачкой сигарет и зажигалкой.

– Олечка, я все купил, – доложил мужчина, которого, я готова поклясться, мама увидела впервые в жизни на входе в ресторан.

– Спасибо, Славик, – ласково сказала мама.

– Мам, ты же трижды вдова, – буркнула я.

– Дважды, пока только дважды.

Расплатились. Наконец выходим.

Я сто раз говорила себе, что маму надо водить в рестораны кавказской кухни, где она чувствует себя как рыба в воде. Впрочем, в последний раз мы уехали домой, а мама попросила оставить ее в ресторане. Уже на выходе она не выдержала. Держалась из последних сил, но не справилась с эмоциями и отправилась на кухню, чтобы рассказать шеф-повару, как правильно лепить хинкали. Ей качество защипов, видите ли, не понравилось. Естественно, я пыталась ее остановить, но сделать это – все равно что пытаться удержать несущийся на полной скорости бронепоезд. Проще лечь на рельсы. Через пятнадцать минут мама сидела с Мананой – женой шеф-повара – и пила домашнее вино. Еще через полчаса она пела с Арменом на два голоса. А еще через час она получила приглашение работать в ресторане. Кем угодно. Просто приходиться и следить за качеством защипов хинкали. И подпевать Армену. А то он сказал, что вообще петь отказывается. Без моей мамы.

– Ты же говорил, что без меня петь не можешь! – возмутилась Манана.

– Теперь понял, что без тебя могу, – серьезно ответил Армен, – у Ольги такой голос, слушай, она так пела «Снегопад, снегопад», что я чуть не поверил, что она Нани Брегвадзе!

– Армен, дорогой, только ты не Кикабидзе! – возразила Манана.

– Слушай, вот сейчас ты меня обидела! – закричал Ар-

мен. – Так обидела, что я вообще голос потерял! И завтра потерял!

– Не сердись, дорогой. Ты же знаешь, что ее больше здесь не будет.

Мудрая женщина Манана оказалась права. Ресторан вскоре закрыли, и я не знала, куда они переехали, если вообще переехали...

В этот раз мы поехали в наш любимый китайский ресторан, где отмечаем все семейные праздники. Заведение славится отличной кухней, публикой из числа дипломатических работников, вышколенными официантами, которые нас знают уже лет пятнадцать. Из этого ресторана меня чуть ли не в роддом увозили, когда я была беременна дочкой. Я уже не помещалась за столом, но потребовала целую утку по-пекински, которую спокойно съела не моргнув глазом. На меня даже повар пришел посмотреть. На десерте у меня начались схватки, впрочем, оказавшиеся ложными, но сотрудники готовы были оборудовать мне родильную палату прямо там. Официантка, простая русская женщина, оказалась в прошлом акушеркой, а бармен-китаец знал секреты иглоукалывания. Пока они зажигали ароматические палочки, окуривали меня благовониями, делали массаж, втыкая в поясницу иголки, и учили правильно дышать, я расхотела рожать, поскольку мне было очень интересно, что будет дальше. Машина «Скорой помощи» застряла в пробке, и к тому моменту, когда приехала официальная медицина, я пыталась до-

есть свой десерт, а повар заворачивал утку мне в роддом.

Потом мы пришли в этот ресторан с дочкой, на тот момент трехлетней. Во дворе стояла елка с традиционными китайскими украшениями. Моя дочь остановилась и потребовала себе игрушки, поскольку такую красоту видела впервые. Естественно, нам никто не смог отказать. Еще бы. Дочь плакала, будто случился не китайский Новый год, а вселенская трагедия. Я стояла рядом с безумным взглядом, прекрасно понимая, что дочь не сдвинется с места, пока не получит желаемое. К тому же я была голодна и потому зла. Сын молча прошел в ресторан, сел за столик и попросил утку и все, что мы обычно заказываем. Муж метался между нами. Шеф-повар переживал, что утка будет готова раньше, чем мы с дочкой усядемся за стол. Положение спасла официантка, на глазах которой я три года назад чуть не родила. Она рассказала, что знает эту девочку «еще с живота», а случай, как беременная женщина съела целую утку, а до этого суп, креветки, а после – десерт, вошел в историю ресторана. И именно поэтому надо немедленно отдать девочке все, что она хочет, чтобы накормить уже ее мать.

На входе в ресторан стоит гонг – настоящий, но исключительно для красоты. Я ни разу не видела, чтобы в него кто-то бил. Я ушла в дамскую комнату и оттуда слышала громкий бом. Или бэмц. Или дзынь. Не знаю, как описать этот звук. Согласно «Википедии», он обладает «мрачным, грозным, зловещим тембром». Но этот гонг звучал вполне задор-

но и весело. Я подавила порыв срочно бежать на звук и заставила себя спокойно вымыть руки и накрасить губы. Все эти действия я производила под звуки гонга, и в какой-то момент мне показалось, что кто-то отбивает ритм системы «Спартак – чемпион». «Нет, это не мы, это точно не мы», – уговаривала я саму себя.

Конечно, это были мы. Точнее, моя мама. Она стояла и лупила по гонгу. Вокруг нее собрались дети из числа посетителей ресторана и по очереди делали «бом». Мама отвечала за выдачу колотушки, которой дети лупили по гонгу. Сама она задавала ритм, перепутав гонг с бубном или, скорее, с грузинским барабаном доли. Рядом стояли родительницы и улыбались.

– Мама, пожалуйста, нет, – прошептала я, – хватит.

– Да мы только начали! – ответила наша бабушка и выдала колотушку очередному ребенку. – И за эти деньги мы имеем право один разочек ударить в эту штуку.

– Мам, пойдем, пожалуйста. Иначе нас больше сюда не пустят.

Мамы счастливо улыбались, слушая наш диалог. Дети уже без подсказки передавали друг другу колотушку. Хостес застыла с приклеенной улыбкой и кивала, как китайский болванчик, хотя была не китайяжкой, а обычной русской девушкой.

Мама наконец наигралась и подошла к статуэтке бога Хотея, отвечающего за благополучие, удачу, процветание и ве-

селье. Она разглядела подношения в виде монеток и купюр и забрала сто рублей.

– Что ты делаешь? – спросила я.

– Забираю свое. В прошлый раз я положила сюда сто рублей, и ничего не случилось!

– Может, он просто не успел сделать тебя богатой и счастливой.

– Не вопрос. Как только отработает, я ему верну.

* * *

Всю неделю я провалялась с гриппом. Просыпалась и снова проваливалась в температурное забытьё. В девять утра в дверь позвонили. Звонок я слышала, а что было дальше, узнала со слов мужа.

Он спросил: «Кто там?» Ответа не последовало. Муж посмотрел в глазок, никого не увидел и решил, что это к соседям. Но кто-то упорно стучался. Муж опять посмотрел в глазок и опять никого не увидел. «Кто там?» – громче спросил он. Никто не ответил.

Только он отошел от двери, как опять раздался звонок – короткий, но требовательный. «Кто там балуется?» – спросил муж. В ответ тот, кто был с другой стороны, долбанул со злостью ногой по двери. Муж от неожиданности и неслыханной наглости испугался и отскочил. В глазок он по-прежнему видел только соседскую дверь. «Да кто там такой?» – спро-

сил он уже возмущенно. И вдруг среди шорохов, толчков и ударов услышал свое имя и требование немедленно открыть дверь. Он послушался и чуть не упал в обморок. На пороге стояла теща, только укороченная в два раза. В каком-то жутком балахоне, из-под которого торчали две маленькие ножки.

«Ольга Ивановна, – выдохнул с ужасом зять, – вы к нам?» Теща съязвила: «Нет, не к вам, конечно же, дверью ошиблась», – и засеменила через порог. Муж прислонился к двери и схватился за сердце: теща, вдруг ставшая лилипутом, – это ведь никакое сердце не выдержит.

Мама рассказала мне свою версию произошедшего, пока искала нашатырь для зятя. Она купила всяких вкусностей для внуков и приехала, потому что соскучилась. Сумки оказались тяжелые, поэтому она позвонила в звонок и наклонилась к пакетам, чтобы два раза не наклоняться и занести все в квартиру. Но зять не открыл. Мама опять позвонила и снова наклонилась к пакетам, а он опять не открыл. Она слышала, как зять спрашивает: «Кто там?», но не отвечала, потому что считала вопрос глупым. Кто там еще может быть? Только она.

Потом мама разозлилась, поскольку ей надоело делать наклоны вперед, и ударила в дверь ногой. Звонить и стоять ровно, чтобы зять ее опознал, мама не могла из-за этих пакетов – у нее там сметана и ряженка с рынка могли разлиться, разве не понятно?

Поскольку зять не открывал, теща разозлилась и решила его напугать. Или у нее просто было хорошее настроение и она себя хотела повеселить. В общем, мама исполнила классический пионерлагерный фокус «карлик». Сняла куртку и надела задом наперед. Присела и натянула ее на колени. А что такого? Весело же. Зять и так все время чересчур серьезный, вот мама и решила его немного взбодрить.

– Ольга Ивановна, вы меня так до инфаркта доведете. Что я вам плохого сделал? – спросил тещу надышавшийся нашатыря зять.

– А чего ты мне не открывал? Надоело мне там с пакетами стоять, – возмутилась мама. – Закрываются и закрываются. Кому вы нужны? Вот я никогда не запираюсь.

– Потому что у вас дверь уже лет пять как сломана! И все знают, что в квартире с вечно открытой дверью живет Ольга Ивановна, которая так шутит, что до инфаркта может довести!

* * *

Наша бабушка, когда видит картину, нарисованную внучкой, или ее дневник с пятерками, объявляет: «Я сейчас упаду в обморок!» – после чего громко вскрикивает. Как правило, на этот крик прибегаю я, решив, что маме плохо. Оказывается, что маме очень даже хорошо. Она просто так восторг изображает.

– А что такое оморук? – спросила как-то Сима.

– Может быть, морок? – уточнила я.

– Нет, оморук, – дочка делала ударение на последний слог.

– Не знаю. Может быть, амок? Но ты вроде бы не должна знать это слово. Многие взрослые его не знают.

– Нет! Ну бабушка все время говорит «оморук», громко вскрикивает и делает вот так. – Дочь показала, как бабушка прижимает ладонь ко лбу и закатывает глаза.

– Обморок! Это когда человек вдруг теряет сознание от волнения или боли и падает, – догадалась я.

– Куда падает? – уточнила дочь с интересом.

– Ну, куда придется, туда и падает.

– А что нужно делать в таких случаях?

– Водой побрызгать на лицо. Еще по щекам похлопать. Или помахать, как веером. Раньше дамы часто падали в обмороки из-за жестких корсетов и всегда ходили с веерами. Но сейчас никто в корсетах не ходит, поэтому сознание люди теряют, когда им действительно очень плохо. И нужно срочно звать врача.

Про этот разговор я забыла, и зря. Оказалось, что Сима и у бабушки спросила, что такое обморок. Она у нас обычно разные мнения собирает, не доверяя одному. Бабушка сообщила, что в обморок падают исключительно от счастья и исключительно понарошку.

– Девушки в корсетах? – продолжала выяснять дочь.

– Да. Но они специально так делали, чтобы кавалеры им

в любви быстро признавались, носили на руках и звали за-
муж, – радостно подтвердила бабушка.

В следующий раз наша бабушка, налюбовавшись пятерка-
ми в дневнике и медалью внучки за второе место на сорев-
нованиях, традиционно объявила, что она «сейчас упадет в
обморок», громко вскрикнула, взмахнула руками и упала на
пол. Я уже привыкла к ее вскрикам и продолжала спокойно
варить суп. Когда на кухню пришла Сима и вежливо попро-
сила налить ей воды в стакан, я налила и выдала.

– Еще один, – попросила Сима.

Я налила, думая, что бабушка тоже хочет пить. Еще через
некоторое время на пороге кухни появилась мама, мокрая
как мышь.

– Ты что, душ в одежде решила принять? – спросила я,
гадая, что еще пришло в голову нашей бабушке.

Дальше рассказывала мама. Она, чтобы быть последова-
тельной, упала в театральный обморок, надеясь, что внучка
рассмеется. То есть, по ее задумке, Сима должна была накло-
ниться над бабушкой, а та бы ее напугала, схватив и крикнув
«бу!», и они бы вместе посмеялись. Но не тут-то было. Си-
ма не подошла рассматривать тело бабушки, а отправилась
на кухню. Мама приоткрыла один глаз и поняла, что лежит
в коридоре одна. Решила полежать еще чуть-чуть, полагая,
что это лучший способ довести шутку до конца.

Бабушка услышала шаги внучки и притворилась безды-
ханной.

– Ну ты представляешь! Я лежу, думаю, что сейчас ухватчу Симу и начну ее щекотать, а вместо этого она начинает лить на меня воду. А потом еще как ударит по щеке! У нее, кстати, рука тяжелая. Как у тебя. – Мама терла скулу.

– Я сделала все, как ты говорила в подобных случаях, – спокойно ответила Сима, – все подействовало. Но я вызвала «Скорую» на всякий случай. Только не знаю, где брать кавалера, который будет носить бабушку на руках, и кто это вообще такой.

С тех пор бабушка в обморок ни разу не падала и даже вскрикивать стала реже и тише.

* * *

– Мамочка, ты как? Все хорошо? Ты здорова? – звоню я маме из Москвы за город. Конечно, мы обмениваемся эсэм-эсками, но я им не доверяю. Она ни за что не напишет правду. Поэтому всегда звоню, чтобы услышать ее голос. Ей за семьдесят, она почти круглый год живет на подмосковной даче, где до ближайших признаков цивилизации ехать полчаса на машине. Конечно, я волнуюсь.

– Да, все хорошо, я же тебе писала. Купила поливалку для сада, шланги, посадила бегонии. Давление в норме, – отчитывается мама, поскольку хочет считать себя самостоятельной и независимой женщиной.

– Ну хорошо, тогда пока, целую.

– А больше тебя ничего не интересует? – спрашивает мама заговорщическим тоном. С намеком, мол, у меня тут такие новости!

– Нет! – кричу я и бросаю трубку.

Потом весь вечер, конечно, думаю, что мама имела в виду под «больше». И хочу ли я это знать. Нет, не хочу.

Что она мне рассказывала, если я отвечала: «Да, что там у тебя случилось?» Два раза сообщила о собственном скоропалительном замужестве. То есть о двух скоропалительных замужествах и двух не менее скоропалительных разводах.

Один раз о том, что, кажется, собирается все продать и уехать жить за границу. Правда, еще не решила, за какую именно. Но ведь это, в сущности, неважно. И возможно, я ее не застаю, когда вернусь из командировки (я тогда уехала на три, всего на три дня!).

Еще один раз она призналась, что сидит в местном отделении милиции за скандал в магазине. Нет, уже все хорошо. Пьет коньяк в кабинете начальника.

А еще один раз я застала ее на крыше собственного дачного дома. Еще удивилась, что связь такая хорошая. Мама залезла на крышу, используя стремянку: после дождей и ветра крыша начала протекать, и она решила оценить ущерб. Стремянка, естественно, упала. Телефон чудом оказался в кармане. В этот момент я и позвонила. И мама светским тоном спросила: «А больше тебя ничего не интересует?» – после чего в подробностях сообщила, что ждет пожарных. Но

что-то они долго едут, так что она попробует спуститься сама...

– Позвони своей теще, – прошу я мужа, – я боюсь.

– Уже полгода она ведет себя... прилично, – отвечает муж.

– Вот это меня и беспокоит. Уже целых полгода!

* * *

За руль мама села в шестьдесят пять лет и стала самой «староводящей» женщиной на местных курсах вождения. Машину она попросила красную. Ей была неважна марка автомобиля, лишь бы была красная. Она записалась в школу вождения, про нее даже сняли репортаж для местного телеканала как про самую возрастную студентку курсов. После этого она честно отходила на все занятия, выпила приблизительно ящик коньяка с директором курсов, счастливо женила молодого инструктора по вождению и обыграла в шахматы и в преферанс начальника местной ГИБДД. Права ей вручали на дому. Начальник преподнес букет цветов, инструктор приехал с молоденькой женой, а директор курсов сокрушался, что больше они не увидятся. Мама получила в подарок красную машину и на глазах восторженной публики выехала из ворот, снеся сразу два боковых зеркала и покорежив забор. Потом развернулась, едва не улетев в кювет, и въехала в ворота, затормозив в елку.

После чего заявила, что хочет продолжить обучение –

пойти на курсы экстремального вождения, которые открылись в ближайшем подмосковном городке. Потому что ей очень нужно уметь тормозить на льду, разворачиваться на месте и входить в повороты, не снижая скорости.

– Нет! – закричали дружно начальник ГИБДД, инструктор и директор курсов.

– Нет! – кричала я.

Но мама, как всегда, поступила по-своему. Начальника она опять обыграла в шахматы, директора по случаю Масленицы накормила блинами и напоила водкой, а молодого инструктора помирила с тещей.

– Так весна же уже! Давай на следующий год! – уговаривал директор курсов, раздвигая шторы в кабинете и демонстрируя яркое весеннее солнышко.

– Нет, сейчас. И снег будет, и лед, – ответила мама.

На следующий день и мамину деревню, и ближайший город завалило снегом, залило дождем, покрыло слоем льда – в общем, погода создала идеальные условия для уроков по экстремальному вождению.

– Я же говорила, – радовалась мама, приехав на первое занятие, – со мной, как с погодой, спорить бесполезно!

Местные службы ГИБДД ее, естественно, прекрасно знают и не связываются. Один раз молоденький полицейский, только заступивший на пост, посмел маму остановить.

– Ты на кого палку поднял? На пожилую больную женщину! – кричала мама. – Да мне два понедельника осталось

жить, а ты меня останавливаешь! Да у меня прямо сейчас инфаркт будет!

Юноша краснел и бледнел. Мама не производила впечатление больной и пожилой женщины. В свои почтенные лета она носит обтягивающие джинсы, блузки с глубоким декольте и каблуки. Но мама уже вошла в образ: она схватилась одной рукой за сердце, другой – за юношу и просила его передать ее внукам последние наставления. Полицейский перепугался и маму отпустил. Даже с мигалкой проводил до дома.

* * *

С Юрием Петровичем, сотрудником ДПС, мама дружит. Он ее останавливает, чтобы рассказать свежий анекдот, перекинуться новостями, обсудить погоду и политику. Юрий Петрович мамой искренне восхищается. Но даже у него однажды сдали нервы. Его подруга проехала на красный, выскочила на встречную полосу, по которой двигалась достаточно долго, и попутно нарушила еще что-то.

– Ольванна, вы чего? – остановил ее Юрий Петрович. – Я ж за вас беспокоюсь. Тут молодняк гоняет, а вы у нас дама.

– Юрка, больше не буду. Клянусь, – откозыряла мама.

Но, на беду, к Юрию Петровичу подошел сменщик, из новеньких, который маму не знал и видел впервые.

– Что тут у вас? – спросил он.

– Все нормально, – сказал Юрий Петрович.

– Нет, – заявил сменщик, – надо проверить. Выйдите из машины, пожалуйста.

– Ох... – искренне испугался Юрий Петрович, и не зря.

Мама послушно прошла тест на алкоголь, который ничего не показал. Документы оказались в порядке. Но сменщик не успокоился и попросил открыть багажник – проверить наличие огнетушителя и аптечки. Мама открыла.

Аптечка и огнетушитель имелись, но давно просроченные.

– А это что? – Сменщик показал на охотничье ружье.

– Ружье, – ответила мама, – но не мое. Соседа. Разрешение есть, пожалуйста.

– А почему оно у вас?

– Ну как почему? Жена соседа живет в городе. Я тоже поехала в город, в аптеку, заодно заехала к ней, банки отвезла с помидорами. Закатала и повезла. А сосед позвонил и попросил забрать ружье, раз уж я там. Они завтра с моим внуком на охоту пойдут. Да какая там охота? Так, по бутылкам постреляют. Ну что мне – сложно? Наоборот. Он-то выпил вчера и сегодня за руль не сел. Да вот, Юрка его знает. Его все знают. Скажи, Юрка.

– Да, – кивнул Юрий Петрович.

– А это что? – не унимался сменщик.

– А это бейсбольная бита. Ну разве непонятно? У внука был день рождения. Ему сосед этот, который охотник, битку

подарил. Да забыл из дома забрать. Вот я сегодня у его жены была, помидоры отвозила, сама закатывала, вот она и передала подарок. А что еще парню дарить? Нормальный подарок.

– А это что? – с ужасом показывал на внутренности багажника сменщик.

– А это шашки дымовые. От кротов. Говорят, от кротов лучше всего помогают шашки. Да тут всего две. Я еще месяц назад купила, но так руки и не дошли. Думаю, внуки уедут, тогда я кротами займусь. Что я, не понимаю? Зачем мне кротов травить, когда у меня внуки? – объясняла мама.

– Это у вас салют, что ли? – Сменщик разглядывал очередную коробку.

– Да, точно! – обрадовалась мама. – А я все думала, куда я салют-то дела? У внучки же день рождения, вот я и купила. Потом замоталась и потеряла. А коробка здесь, оказывается. Вот спасибо, что нашли. Сегодня и устроим. Вот внучка обрадуется.

– Ну, а это у вас газовый баллончик и электрошокер... – Сменщик был уже в настоящем шоке.

Юрий Петрович нервно курил в сторонке.

– Это мое, не отрицаю. Я же женщина пожилая, беззащитная, мне же надо от хулиганов защищаться. Мало ли что, – подтвердила мама, – я понимаю, ерунда все это. Но мне спокойнее.

– Хорошо, а это у вас что? – Сменщик с осторожностью

поглядывал на очередной ящик.

– А, это! Это моему зятю, у меня такой зять, просто золотой, так вот, ему кий на юбилей подарили, – с радостью бросилась рассказывать мама, – но он не играет, вообще не знает, как этот кий держать. Вот, привез нам. А нам зачем? Я думала, продам, вещь дорогая, хорошая, коллекционная. Возила в город, показывала одному знакомому, он над этим кием аж затрясся, когда увидел. Но по цене не сошлись. Может, еще надумает. А что, кий нельзя в багажнике возить? Запрещено?

Пока сменщик вытирал лоб и думал, что делать с женщиной, которая нарушила все Правила дорожного движения и возила в багажнике не пойми что, раздался взрыв. Вполне громкий взрыв. Сменщик охнул и упал на землю, прикрыв голову. Юрий Петрович выругался. Мама ахнула.

– Так я и знала! – закричала она. – Вот теперь машину придется мыть! Пока я тут с вами стояла...

– Что это? – Сменщик был явно напуган.

Юрий Петрович нервно прикурил сигарету от предыдущей.

– Как что? Помидоры! Я же говорила! Помидоры я закатала! Банку одну оставила. Вот, Юрке хотела отдать. Мало-сольные помидорчики, один к одному. Банка взорвалась, зараза. Я чувствовала, что не довезу. И чего она взорвалась? Вроде все как всегда делала. Так, я поехала. А то вся машина пропахнет, не отмоешь. Некогда мне тут с вами стоять. Юр-

ка, прости. С меня огурцы и водочка. Ох, лишь бы огурцы не взорвались! Десять банок закатала. Все, мужики, мне пора. В следующий раз поговорим.

Мама уселась в машину, вырулила на встречную полосу, создав пробку, пока разворачивалась, и поехала в обратную сторону. Юрий Петрович молчал. Его сменщик тоже. Только с удивлением смотрел вслед удаляющейся красной машинке, которая опять проехала на красный.

* * *

Увидела в соцсетях популярный пост – советы бабушки своей внучке. Бабушка была европейская и говорила очень правильные вещи: не бойся влюбляться, не бойся остаться одна, делай карьеру, совершай безумные поступки. Я не смогла удержаться, позвонила нашей бабушке и попросила ее дать советы своей внучке. «Записывай», – сказала мама.

...Совет номер один. Выйди хорошо замуж. «Хорошо» – не значит, что за богатого. «Хорошо» – это значит хорошо. Чтобы ты себя так чувствовала. Если тебе будет хорошо с пятью детьми в однокомнатной квартире, значит, так и должно быть. Если тебе будет хорошо в другом городе, уезжай, не задумываясь. Но не слишком-то слушай свое сердце – оно иногда обманывает. Иной раз стоит послушать мать.

– Мам, ну ты даешь! – меня как прорвало. – Да ты меня всегда пугала однокомнатной квартирой и кучей детей на де-

сяти квадратных метрах! Что для тебя было самым страшным? Если бы я вышла замуж за одноклассника из соседнего подъезда! Ты не могла допустить, чтобы я прожила свою жизнь в такой же квартире, как у нас, и ходила бы в ту же булочную, что и ты, а мои дети пошли бы в «мой» детский сад под окнами. Хотя Катька Колесова, моя одноклассница, именно так и сделала. И живет счастливо.

Почему «уезжай»? Да я все детство в новеньких проходила! Сколько я школ из-за тебя и твоих «не задумываясь» поменяла? Шесть, семь? Меня учителя запомнить не успевали, а я их помню только по прозвищам. Попа Два Кирпичика – учительница по ритмике, кажется, на Севере мы тогда жили. Народница. Она все кричала, что у девочек должна быть попа как два кирпичика. Мы ее так и прозвали. У нее был копчик сломан – ее партнер с поддержки уронил. Она считала, что специально. Ради другой партнерши. Я ненавидела эти «топотушки» и «ковырялочки». Попа била нас – подходила и по спине припечатывала ладонью. Мы все с ее отпечатками ходили.

Еще у нее был один жест – мы стояли у станка, а она подходила и ногтем проводила по внутренней стороне бедра. Ногти у нее были длинные и острые. Ты хотя бы представляешь, каково это? Я ей благодарна, конечно. Я вообще после нее учителей бояться перестала.

Но ты хотя бы знала, что она ту девушку, новую партнершу травила? Подмешивала ей препараты? Ты знала, что она

два года в тюрьме отсидела? Потом на Север уехала, где ее никто не знал. Она же сумасшедшая была. Готовила партию, которую должна была станцевать. Нам говорила, что через месяц у нее гастроли, что вчера выступала с тем самым партнером. Мы ее боялись панически и не знали, что у нее в голове. Она нас ненавидела. Кстати, была убеждена, что работает не в школе, а в хореографическом училище. И требовала от нас невозможного. Мы же были обычными девочками.

Ленку, ты помнишь Ленку? Она выбросилась со второго этажа. Мы тогда в шестой класс перешли. Попа ее замучила – у Ленки и грудь, и лишний вес. Попа называла ее жирной коровой и выгоняла из класса. Ленка решила, что она страшная, жирная и ей нельзя жить в таком теле, что ее никто никогда не полюбит. Слава богу, что только ногу сломала при падении.

И что стало с Попой? Ничего. Она ведь танцевала свою «ковырялочку» перед главой города. И тот с ума от нее сходил. Конечно, все замяли. Конечно, столичная звезда. А у Ленки – мама на двух работах и папа-алкоголик. Сестра младшая. Ленке выписали путевку в пионерский лагерь – та была счастлива. Она бы еще раз в окно вышла, лишь бы ее еще куда-нибудь отправили подальше от ее жизни.

Еще Лаванду помню – ты меня тогда в Карпаты отвезла. Она математику преподавала и напевала «Лаванда, горная лаванда». Ее звали Элина Вилленовна, и у нее была эпилепсия. Нам пришлось научиться снимать ее приступы! Мы дей-

ствовали молча и спокойно. Я за носовой платок отвечала, который должна была ей в рот положить. Димка ноги держал, Леха – руки. Ты представляешь: я до сих пор помню имена мальчишек! Разве забудешь, если мы стали официальной дежурной бригадой на случай Лавандиных приступов!

Бабу Надю помню прекрасно – повариху из школьной столовой. Я же почти ничего не ела – боялась растолстеть. Толстых девочек всегда в классе дразнят, да еще в памяти осталась вышедшая в окно Ленка. Баба Надя, это я сейчас понимаю, волновалась за меня: в столовой же все ели как в последний раз, еще и хлеб крали. А за лишний плавленый сырок – склизкий мерзкий квадратик – могли и убить. Я не ела. Только чай пустой пила. Баба Надя подошла ко мне и спросила, почему я не ем. И я ей зачем-то ответила, что мне невкусно. Мол, я к другой еде привыкла. А не к той, которая грязными тряпками воняет. Я назло сказала, как говорят подростки, когда считают, что никому не нужны, а баба Надя обиделась.

– И что же ты предпочитаешь? – спросила повариха.

– Яйцо всмятку. Гренки с джемом, – ответила я с вызовом.

На следующее утро баба Надя поставила передо мной тарелку с яйцами, поднос с гренками и банку варенья.

– Ешь, – велела она.

Я поблагодарила и радостно принялась за еду. Потом поблагодарила еще раз, наевшись до отвала.

– Ешь, – велела баба Надя, – пока не съешь, из-за стола

не выйдешь.

На тарелке лежало еще штук семь яиц, гренки из пары батонов хлеба и почти целая банка варенья. Это была попытка едой. Я давилась, но ела. Потом меня вырвало на глазах почти у всей школы. Но никто не засмеялся. Так я поняла, что не все люди сволочи, как ты учила меня с раннего детства. Попадают и хорошие.

...Выходи замуж с холодной головой, положи лед себе на лоб и после этого принимай решение. Поначалу любовь – это морская волна во время шторма. Волна отступит, а ты останешься лежать и отплевываться водой и песком. Любовь – это то, что приходит с годами. Любовь – это озеро с тихой рябью. Да, в озере плыть тяжелее, чем в море, – вода не держит. Придется барахтаться. Зато будешь плыть, а не отплевываться песком.

– Да, и это говорит женщина, которая пять раз выходила замуж, и это только официально. А неофициально я даже считать боюсь. Озеро с тихой рябью, ну да. Если честно, я до сих пор боюсь, что ты снова выйдешь замуж и у меня снова появятся новые родственники! Да, ты всегда гордилась тем, что можешь выйти за молоком в ближайший магазин и прямо из магазина отправиться в загс. Но каково было мне? Чужие люди, которые вдруг становились частью моей жизни. Да я о младшей сестре или брате никогда не мечтала!

Ты помнишь тот случай? Наверняка нет. Ты меня отпра-

вила в Махачкалу на каникулы. Тогда я в седьмом или восьмом классе училась. К тете Жанне, сестре твоего мужа. Мне там нравилось – было много подружек. Мы гуляли до позднего вечера. Нам разрешали. Дочка тети Жанны Ляля учила меня варить компот и суп. Быстро. Надо было сварить с утра, но мы проспали, и на приготовление обеда оставался час. Ляля со скоростью пулемета чистила овощи. Пока что-то булькало в кастрюлях, она успела заправить постели, помыть полы и почистить ванную. Я до сих пор так делаю – варю и убираю на скорость. Не стою над кастрюлями, а забрасываю, пробегая мимо. Мастерски умею создавать впечатление, что крутилась по дому с раннего утра, не присев ни на минуту. Еще там был мальчик – Сережа, двоюродный брат Ляли, племянник тети Жанны. Мне он казался таким красивым! Он ходил с нами купаться на море. Я была в него влюблена, и он в меня, кажется. Он дарил мне цветы и держал за руку. И все было хорошо, пока Ляля не сказала, что мы родственники.

– Как это? – удивилась я.

– Твоя мама вышла замуж за моего дядю. Если мы твои родственники, то и Сережа тоже. Так что вам нельзя встречаться. Даже за руки нельзя держаться.

Как я тогда плакала! Всю ночь прорыдала. Утром у меня температура поднялась. Тетя Жанна не могла понять, что случилось – я укрылась с головой одеялом и отказывалась отвечать. Наконец Ляля призналась, что я влюбилась в Се-

режку, а он в меня, но мы же родственники, поэтому она мне сказала правду.

– Нашла из-за чего плакать! – рассмеялась тетя Жанна, хотя я готова была умереть от стыда.

Как Ляля могла меня предать и рассказать о моих чувствах, да еще взрослому человеку! В то же время реакция тети Жанны меня удивила, и я прекратила рыдать.

– Сегодня родственники, а завтра уже нет! – продолжала тетя Жанна. – Твоя мама разведется с моим братом, и все!

Я робко улыбнулась, но снова залилась слезами.

– А теперь ты из-за чего страдаешь?

– Если мама разведется, то я вас больше никогда не увижу! И Сережку тоже не увижу!

Мы тогда поклялись, что всегда будем вместе: я, Сережа и Ляля. Решили клясться на крови, но Ляля в последний момент отказалась. Больше мы никогда не виделись. Тетя Жанна оказалась права: мама развелась, и мы снова стали друг другу чужими людьми. Не знаю, помнят ли они меня, но я их помню. И режу овощи так, как учила меня Ляля. И в компот кладу столько сахара, сколько клала она.

...Никогда не уходи в другую семью. Да, у тебя появятся свекровь, свекор, золовки, племянники и другие родственники. Ты можешь к ним хорошо относиться. Ты даже можешь их полюбить. Но никогда не забывай, из какой семьи пришла ты. Если что-то случится, за твоей спиной должна

быть армия. Поверь, семья твоего мужа всегда выберет его, а не тебя. Будь готова к предательству. Если ты будешь готова, выживешь. От этой боли еще никто не умирал. Но не жги мосты, не устраивай ковровые бомбардировки. Когда речь идет о семье, о близких людях, ты не представляешь, как может пригодиться хлипкий мостик лет через десять.

– Мамуля, да ты всегда сжигала мосты! Ты даже от всех подруг избавилась! Ты помнишь тетю Наташу? Кажется, она была тебе золовкой. Да ты ее на порог не пускала! Только потому, что она посмела сделать мне замечание. И сообщила, что я расту избалованной девочкой. После этого ты устроила ковровые бомбардировки! Хлипкий мостик, говоришь?

А помнишь ту историю с тетей Светой? Кем она тебе приходилась? Очередной снохой? Она у своей племянницы отобрала наследство и квартиру на эти деньги купила. И что ты сделала на общем семейном сборище? Мало того что сказала, что думаешь о тете Свете, так еще и искомвым заявлением размахивала. Племянница с теткой с тех пор не разговаривали.

Да там, где ты появлялась, можно было сразу подводить черту под всеми отношениями. Ты же терпеть не могла родственников и делала все, чтобы они больше никогда не захотели сидеть за одним столом. Не только с тобой, но и друг с другом. Я всегда слышала: меньше родственников, меньше проблем. Да, ты всегда говорила правду, но кому нужна твоя правда? Люди жили много лет, собирались по праздникам,

улыбались, ощущали себя семьей. И вдруг бамс, появлялась ты и всем рассказывала про наследство, раздел имущества в случае развода, раскрывала страшные тайны про внебрачных детей и махинации с квартирами и проводила юридические консультации.

Правда, за моей спиной всегда была ты. Ты – моя армия. Помнишь, как твой внук что-то натворил, я уже и не вспомню, что конкретно. Но он довел меня до слез. В этот момент позвонила ты, и у меня не нашлось сил сдержаться. Я расплакалась и сказала, что Вася мне хамит. А потом ты позвонила своему любимому, обожаемому внуку, счастьем всей твоей жизни, и говорила с ним ровно пять минут. Ты защищала меня, а не его, хотя я была уверена, что ты встанешь на сторону внука. Я не знаю, какие слова у тебя нашлись для четырнадцатилетнего парня, но с тех пор он меня бережет. И больше всего на свете боится меня обидеть. Он помогает чем может. Заботится обо мне и о младшей сестре. С тех пор ни разу я из-за него не плакала. Тебе хватило всего пяти минут, чтобы объяснить будущему мужчине, как нужно обращаться с женщиной. Особенно с матерью.

...Выйди замуж. Потом будешь строить карьеру. Если за твоей спиной есть мужчина, тебе будет проще. Если за твоей спиной встанет умный мужчина, тебе будет легко. Легко – не значит, что придется меньше работать. Легко, потому что ты будешь уходить домой, к семье. Будет к кому уходить. И ты

будешь знать, что завтра, послезавтра сможешь бросить на стол заявление об уходе и сесть дома – муж тебя обеспечит. Просчитай все заранее. Все возможные варианты. Не плыви по течению. Это путь в болото, где очень приятно квакать. Но оно затягивает. Так быстро, что не заметишь. Судьба? Глупости. Судьба – это те шаги, которые ты сделаешь или не сделаешь.

– А кто мне говорил, что я должна зарабатывать сама? Кто кричал после рождения внучки: «Не дай бог ты сядешь дома и будешь видеть только половник»? И что у меня всегда, всегда должны быть свои деньги. Кто кричал про независимость? Кто внушал, что просить у мужа деньги на молоко – это позор? Я в декретном отпуске была две недели! Всего две недели! Как я хотела сесть дома! Просто мечтала быть домохозяйкой! И мечтала видеть только половник. И чтобы голова болела только о том, какой сварить суп на обед – борщ или щи. Я прирожденная домохозяйка! А ты говорила, что я тебя разочаровываю. Ты никогда не верила в судьбу, а я верила. Ты считала, что все «знаки», «подарки» и «шансы» – как минимум идиотизм, как максимум – безответственность. Ты всегда просчитывала, думала, планировала, держала руку на пульсе. В шутку, когда нужно было дожить до зарплаты, когда ты теряла работу, когда нужно было срочно уезжать, ты всегда повторяла фразу Мичурина: «Нельзя ждать милостей от природы, брать их у нее – наша задача». И еще ты твердила, что «на голову ничего не падает», «никто не придет и

не даст», «нельзя сидеть на одном месте».

У тебя была близкая подруга, тетя Наташа. Помнишь? Она всегда плыла по течению. При любых жизненных неурядицах приходила к нам, садилась на кухне и... ничего не делала. Ждала. Ты предлагала двести пятьдесят вариантов решения проблемы, кричала, размахивала руками, а тетя Наташа просто сидела. Надо сказать, что течение ее и вправду выносило куда надо. Пусть не сразу, через болото, через завалы, но выносило же.

Это касалось и личной жизни. Ты убеждала меня, что личное счастье – такая же борьба, труд, карьерная лестница, как и все остальное. Залог семейного счастья – мозги, ответственность, здоровый цинизм, а не сердце и чувства. А вот тетя Наташа покорно ждала свое счастье. Ты призывала к активным действиям, предлагала устроить знакомство, пойти в гости, ну или что там еще требуется. А тетя Наташа ждала и дождалась. Правда, уже в сорок лет. Вышла в булочную и познакомилась в очереди с мужчиной, который стал ее мужем. Тетя Наташа ждала и опять дождалась – дочку, которую родила в сорок три года.

А бабушка? Она ведь всегда верила, что малая потеря, кошелек например, – расплата за большую потерю. Значит, судьба отвела. Но еще больше бабушка верила в то, что судьбоносные встречи и события происходят именно тогда, когда человек этого совсем не ждет. Даже не надеется. Когда находится в отчаянии, опустил руки и когда уже все равно.

Вот именно в этот момент все и произойдет, и судьба даст шанс. Бабушка говорила, что все сложится так, как и должно сложиться. И не нам это решать. А еще она верила в «счастливую ногу» – когда на пороге появляется человек, приносящий удачу. После визита которого все начинает складываться так, как и должно сложиться.

Вот сейчас, когда мне столько же лет, сколько было тебе и тете Наташе, я поняла, что хочу быть тетей Наташей. И бабушкой. Но не тобой. Мы делали ремонт, который никак не заканчивался: раковины задерживались, столешницы не изготавливались, доставка не доставляла. Я звонила, кричала, убеждала, умоляла. И вдруг к нам вечером заехал друг нашей семьи. Он оказался первым, кто вошел в еще недостроенный дом, то есть квартиру с недоделанным ремонтом. И почти сразу после его появления мне позвонили – столешница ехала, раковина должна была прибыть через день, доставка приносила извинения. И друг семьи сказал ту фразу, которую я слышала в детстве: «Надеюсь, моя нога вам пригодилась».

Я хочу верить в слова бабушки, которая мне повторяла, когда мы сидели с ней на вокзале без билетов и не знали, как добраться до Москвы: «Не бойся, сейчас обязательно кто-нибудь появится». И действительно, появлялся старый бабушкин друг, ученик или друг друга, который помогал. «Ангел-хранитель все равно пошлет тебе защитника», – говорила она.

...Роди ребенка. Обязательно роди ребенка. Не откладывай до того момента, когда наступят подходящее время и стабильность. Подходящее время никогда не наступит. О стабильности можешь забыть сразу. Как только появится ребенок, ты удивишься, как быстро решаются проблемы. У тебя появится не второе дыхание, а третье, четвертое, десятое. Когда за твоей спиной ребенок, ты свернешь горы. Когда за твоей спиной двое детей, ты вообще перестанешь чего-либо бояться.

– Странно от тебя это слышать. Да, ты безумно любишь внуков, но ведь именно ты боялась, что если я рожу рано, то не смогу сделать карьеру. А если рожу второго ребенка, то вообще перестану работать. Ты считала, что совмещать материнство и дело невозможно. И я помню, как ты плакала, когда я объявила, что скоро у тебя появится внучка. Ты плакала, думая, что я больше никогда не буду писать. А ты хотела, чтобы я писала.

Я всегда хотела иметь детей. Много. И родила бы, если бы не страх. Мне все время очень страшно. Я все время за них боюсь. И за себя боюсь. И за мужа тоже. Проблемы быстро не решаются, у меня не появилось второе дыхание. Я очень устаю от ответственности. Детей я рожала, вопреки твоим советам, в подходящее время – обе беременности были запланированы. Я просчитывала каждый шаг, каждый день месяца. Я старалась все предусмотреть, предупредить и преду-

гадать. Мне так было проще справляться. Я стала тревожной матерью, которая хочет пристегнуть детей к собственной юбке. Я клуша. Типичная клуша, которая хлопает крыльями и считает, что накормить ребенка – главное предназначение в жизни. «Надень шапку» – это про меня. Я завидую многодетным матерям. Их нескончаемому терпению и стрессоустойчивости. Наверное, у них есть кнопка «выкл.», с помощью которой они справляются с этим нутряным страхом за детей. Я завидую тому, что у них в доме всегда есть младенец.

Вася вырос слишком быстро, я его почти не вижу – у него своя жизнь. Иногда он позволяет посидеть с ним, пока обедает или ужинает. Я сижу и смотрю, как он ест. Сын что-то рассказывает, шутит. Дочка растет. Так стремительно, что мне становится страшно. Скоро она тоже будет лишь позволять мне смотреть, как она ест.

У меня нет ни братьев, ни сестер. В моем поколении многие росли в одиночестве. А недавно я оказалась в компании очень мудрой женщины. «Почему так?» – спросила я ее. Почему мое поколение настолько одиноко, что ограничено даже родственными связями. «Все просто, – ответила она, – двое детей считалось уже непозволительной роскошью, а семью с тремя детьми автоматически записывали в неблагополучные». И ведь она оказалась права. У нас была в классе, в московской школе, такая семья. Мама, папа и трое детей. Я училась с младшим сыном. И мы с мамой ходили к ним домой в рамках какой-то акции по поддержке детей из неблаго-

получных семей. Этот мальчик, Димка, издевался надо мной в школе: дергал за косу, норовил заглянуть под юбку, мазал клеем мой стул. Нет, я ему совсем не нравилась. Он мне мстил за то, что моя мама принесла ему стопку тетрадей и ручек. Но другого нашего одноклассника – Юрку – он бил сильно, пользуясь тем, что тот не мог дать сдачи. Очкарик, хилак-разрядник. Мама Юрки передавала в рамках той же помощи вещи для Димки. Тот бы ни за что не признался, что ходит в штанах, которые мама купила Юрке «на смену», и в кедах, которые стали ему малы, а Димке – все равно, у него вообще никаких кед не было. А Димка боялся, что Юрка всем об этом расскажет.

...Учись. Научись делать что-то руками: шить, вязать, сколачивать ящики, выкладывать плитку, жонглировать апельсинами, печь торты или менять обивку на стульях. Когда тебе будет плохо, а плохо будет обязательно, занятие не позволит сойти с ума. В конце концов, это может стать источником дохода. Ты мне не веришь? Я тоже не верила своей бабушке, когда ходила на курсы кройки и шитья. Но однажды это может спасти тебе жизнь. В руках нужно иметь ремесло. В любом случае ты однажды сможешь порадовать своих детей, пожонглировав апельсинами. Они начнут тебя уважать.

– Ты не ходила на курсы кройки и шитья, не выдумывай! Тебя оттуда выгнали с позором. Ты даже наволочку сшить

не могла! А в школе? Всем девочкам мамы помогали шить эти дурацкие фартуки и косынки, а ты мне в ателье заказала. Я стояла перед всем классом, и учительница по домоводству... о, вспомнила, у нее было прозвище Безешка из-за прически – такой дули на голове, – меня отчитывала. За то, что я со своей матерью, то есть с тобой, неразумно расходую семейный бюджет. С жиру бесимся, раз заказываем сшить фартук в ателье. И что ты после этого сделала? Не помнишь? А я помню прекрасно. Пустила весь аванс на какую-то дико дорогую ткань, из которой всем девочкам в классе в ателье сшили юбки-солнце. У Безешки тогда чуть удар не случился. Девочки, естественно, были счастливы и отказались шить эти юбки сами.

Апельсинами жонглировать, говоришь? Да, я умею жонглировать апельсинами! И салфетки крючком вяжу, чтобы голову переключить. Я так стресс снимаю. Если дети и муж видят меня с мотком ниток в руках, они сразу становятся послушными. Иначе я весь дом обмотаю, как паучиха. А что делала ты, когда тебе «нужно было подумать»? Ты втыкала перочинный нож в мою дверь. Тогда же игры в дартс еще не было. Так ты нож метала. Но почему в дверь моей комнаты? Представляешь, что было с моими подружками, когда они в гости приходили и видели дверь в отметилах? Да у меня подруг не было! И друзей, кстати, тоже. Все испарялись тут же. Главное, я долго не могла понять почему. Думала, что я какая-то странная. Да я и была странной. Солила капусту в

тазике в восьмом классе. Закатывала огурцы в девятом. Табуретки сколачивала. Обивку на диване меняла.

Сейчас все не так. Мы выросли в другое время. Я умею менять карниз, шить шторы, пеленки, пододеяльники и наволочки. Безешка считала, что шить фартуки и косынки, положенные по программе, – это совершенно никому не нужные знания, и учила нас «жизни». Эта мудрая женщина, как и ты, мамочка, была уверена, что новый карниз и новые шторы могут изменить жизнь или хотя бы взгляд на нее. И если совсем тяжело, то нужно повесить новые шторы и сшить новое постельное белье. Тогда покажется, что не так все и плохо.

В школе мы осваивали мужские стрижки: Безешка приглашала свою подругу-парикмахера, поскольку считала, что подстричь мужа – это наиважнейший из навыков. Сейчас бы это назвали «мастер-классом». А секретарь директора учила нас, девочек-старшеклассниц, печатать на машинке вслепую десятью пальцами. «Без работы никогда не останетесь. На детей всегда заработаете», – приговаривала она. У нее, молодой женщины, были изувечены руки: по ночам она печатала диссертации, дипломы и бралась за любую работу, чтобы прокормить двоих детей.

Моя бабушка считала, что я должна уметь выкладывать винтовую лестницу. Почему-то она была уверена, что я так удачно выйду замуж, что в моем доме непременно будет винтовая лестница, ведущая на второй или даже третий этаж до-

ма, и я должна знать, как именно складывать камни, чтобы проконтролировать рабочих. Опять же бабушка, прошедшая войну, учила меня выживать в полевых условиях: искать родники, разбираться в ягодах и травах и не быть брезгливой. «Жизнь заставит – все сделаешь», – говорила бабушка. Она приводила меня в местную больницу и «приставляла» к санитарке и медсестре. Я покорно выносила утки, училась делать уколы и перевязки.

Так учили многих девочек моего поколения. Мы действительно умеем многое: разобрать смеситель, прочистить и собрать заново, из одного куска мяса сварить и первое, и второе, и компот. Ввинтить саморез и починить дверь. Вбить гвоздь, построить дом, посадить дерево и родить сына. А потом еще и дочь, и на всех заработать. Мы умеем завязывать галстуки, складывать рубашки как в магазине. Кстати, меня этому научила мама моей подруги: она однажды отвела нас в галантерею, поймала за руку продавщицу, о чем-то с ней пошепталась, и мы часа четыре вязали галстуки разными узлами, складывали рубашки, упаковывали конвертом покупки и делали из бечевки специальные ручки, чтобы было удобно носить.

Нас готовили к тяжелой жизни, от которой не знаешь чего ждать – то ли карниз на голову упадет, то ли потолок рухнет. Они учили нас выживать, выстаивать и радоваться мелочам – новой стрижке, покупке платья или туфель. Они внушили нам, что на мужчин нельзя полагаться, а можно рассчиты-

вать только на себя, на собственные силы и умения.

Когда мне прописали уколы, у меня и в мыслях не было пойти к медсестре – я изворачивалась перед зеркалом и колола себя сама. И мне все равно, кого колоть, если жизнь заставляет. Я колола собственную крошечную дочь, соседскую собаку и коллегу. Потому что надо. Нас приучили, что нельзя болеть и сидеть на больничном, и мы ходим на работу, наглотавшись таблеток.

И чему мы можем научить наших детей? Хочу ли я, чтобы моя дочь умела раскраивать пододеяльник? Или знала, чем отмывать сажу? Или как вкручивать вылетевшие пробки? Хочу ли я, чтобы мой сын знал, как менять помпу в унитазе или смеситель? Или чтобы он мог склотить табуретку и самостоятельно поменять отлетевшие набойки на сапогах? Да, я и это все умею делать. Но я никогда не пожелаю этого своим детям и ни за что не стану их этому учить. Я не хочу, чтобы они готовились к тяжелой жизни, и сделаю все, чтобы ни одно из этих сокровенных знаний, которыми снабдили меня, им не понадобилось. Если для этого мне придется работать по ночам и вышивать крестиком, что я, кстати, тоже умею, то я готова. Пусть только они думают, что укроп растет в цветочном горшочке, а для мытья посуды нужна специальная таблетка и кнопка в посудомойке. Может, это неправильно и непедagogично, но мне всем сердцем хочется, чтобы сын был пристегнут булавкой к моей юбке как можно дольше, а дочь встретила принца на белом коне.

...Научись играть – в шахматы, в карты, нарды, но лучше в шахматы. Ты не представляешь, сколько друзей я приобрела через игру. Сколько увлекательных собеседников я встретила. И, кстати, получила отличную работу, выиграв пару шахматных партий. Не привлекают шахматы, тогда научись играть на пианино – хотя бы будешь слышать фальшь.

– Я так и не научилась играть в шахматы. В нарды тоже не умею, хотя пыталась учиться. В карты играю слабенько – в дурака подкидного. В шашки чуть более сносно. Я окончила музыкальную школу, но к инструменту подхожу редко – когда нужно для детей сыграть «В лесу родилась елочка». Твой внук доигрался до второго разряда и бросил шахматы с формулировкой «в принципе мне здесь все понятно». Перед уходом из секции он разбил шахматные часы и бросил на пол доску. У него сдавали нервы. Твоя внучка играет по-другому – она уходит в глухую оборону и выматывает нервы противника. Внук знал комбинации, дебюты, ему хотелось красивой яркой игры. Внучка знает, как защищаться. С музыкальным слухом тоже интересно получилось. Все досталось твоему внуку, внучка гудит на одной ноте.

А ты помнишь моих учительниц музыки? Их было много. Шесть или семь, по числу школ. Они все были несчастными. Глубоко несчастными женщинами. В Осетии моя любимая учительница... ее насильно выдали замуж. И муж запретил ей работать. Она плакала. Приходила уже с коляской, в кото-

рой лежала новорожденная дочка, во двор школы, стояла там и плакала. Ей хотелось преподавать, хотелось вернуться к дозамужней жизни. Мы – девочки – ее обступали, обнимали, а она продолжала плакать. На Севере у меня была учительница, которая сбежала из психиатрической клиники. Она была тоже из Москвы, за плечами консерватория. Несчастливая любовь, несколько попыток суицида, родственники уложили ее в клинику. Она каким-то чудом уехала на Север, на край света, где хотела просто жить и играть. Она любила Прокофьева. Она показывала мне шрамы на запястьях и рассказывала, чем ее пичкали в больнице. Мы слушали на пластинке первую и седьмую симфонии Прокофьева.

...Научись дружить. У тебя должны быть друзья. Пусть их будет немного, их и не может быть много. Но ты должна знать, что тебе есть кому позвонить среди ночи и попросить о помощи.

– Ты бы никогда никому не позвонила среди ночи, потому что всех друзей ликвидировала. В разные годы, по разным причинам. Даже я не стала тебе другом. Мне ты позвонишь в последний момент. Как и я тебе. Наоборот, буду твердить: «Только маме не говорите». Я не хочу тебя расстраивать, ты не хочешь обременять меня. Я учу своих детей тому, что нужно звонить мне. Сразу же. У друзей могут быть дела, у матери только одно дело – ее дети. Из-за чего ты поругалась с тетей Люсей и дядей Геней? Они тебя терпели дольше всех,

между прочим. Тетя Люся ушла с головой в религию, стала ходить в церковь, а дядя Гена вслед за ней. Я помню, ты мне рассказывала, как встретила дядю Гену в магазине.

– Ничего, Ген, прорвемся, – сказала ты.

– На все воля Господа, – ответил он.

– Гена, ты же летчик! – сказала ты.

– Я помолюсь за твое здравие, – сказал дядя Гена.

И что? Ты перестала с ними даже разговаривать! Ну, верующий летчик, и что? Мелочь для одного, для тебя же – принципиальный вопрос.

Еще я помню соседку тетю Свету. У нее было очень плохое зрение, но очки она не носила, поскольку рассчитывала выйти замуж. Все ее женихи, как она полагала, были «очень приятными мужчинами», на которых ты «открывала ей глаза». В первый вечер знакомства тетя Света находила своих избранников очень красивыми, высокими, стройными. Но на втором свидании она на всякий случай показывала потенциальных женихов тебе. И тут, конечно, открывалась страшная правда, которую тетя Света со своими «минус шестью» на обоих глазах не могла увидеть. Однажды тетя Света даже с тобой поругалась, заподозрив в том, что ты специально наговаривала на мужчин, чтобы сломать ей личную жизнь.

На следующее свидание тетя Света все-таки надела очки, чтобы «самой во всем разобраться». И была шокирована увиденным. Потом она долго плакала на нашей кухне, забросив очки в сумку.

– Зачем, зачем я только их надела? Он казался таким милым! – причитала соседка.

После чего решила никогда больше очки не носить, чтобы не видеть «этот мир таким, каков он есть». И перестала с тобой общаться.

Тетя Света мне нравилась – она вытирала кухонный стол, уткнув нос прямо в столешницу. И всегда садилась на пол, когда со мной играла. Дальше своего носа она и вправду ничего не видела. Например, то, что ее воздыхатели смотрели в твою сторону. Так что не так уж она была и неправа.

...Готовь. Ты должна уметь хорошо готовить. Мужчина скорее вернется в тот дом, где пахнет едой, чем туда, где пахнет духами. Ты можешь умирать от усталости и недосыпа, но обязана утром встать и сварить детям кашу. Они не запомнят твои кулинарные подвиги, но у них хотя бы не будет гастрита.

– Это полная ерунда. Мужчине нужны духи, биение сердца, взгляды, прикосновения. Плевать он хотел на домашнюю еду. Сегодня он хочет пельменей, слепленных вручную, а завтра, с новой женщиной, будет хрустеть сельдереем. Да, я варю кашу детям, и они считают, что это в порядке вещей. Им не с чем сравнивать. У них нет другой мамы и другой каши на утро. А у мужчины всегда есть выбор. Сегодня он требует яичницу-глазунью, непременно жидкую, на сливочном масле, равномерно поджаренную, да еще с двух сторон,

и придиричиво разрезает ножом ровно посередине – чтобы желток вытекал, а не поджарился, а завтра будет сам плясать над сковородкой ради того, чтобы новая пассия умерла от счастья при виде его кулинарного подвига. Нет, путь к сердцу мужчины не ведет через желудок. А дети... они все равно будут есть пиццу, гамбургеры, чипсы и прочий фастфуд. Про мамины котлеты они вспомнят лет в сорок. И дай бог, я к тому времени буду в состоянии их пожарить.

...Расставь приоритеты. Дети – на первом месте. Они – твоё будущее, твоё продолжение. От того, какими они вырастут, зависит то, как ты проведешь свою старость. Научи их главному – они должны помогать до того, как ты об этом попросишь. Даже если речь идет о мусорном пакете.

– Ну да. Если кто-то изобретет способ научить детей выносить мусор, мыть за собой посуду и не разбрасывать носки с футболками, немедленно будет признан гением и гуру воспитания. Обычно я прошу раза четыре и считаю, что у меня очень послушный сын. Дети – не мое будущее. Они свое будущее. И свое продолжение. Свою старость я постараюсь провести в относительном, хотя бы ментальном, здравии. Надеюсь, мне хватит сил работать.

Ты помнишь свою закадычную подругу тетю Ларису? Мы с ее сыном Антоном в детский сад ходили и в школу. Тетя Лариса тоже считала, что Антон – ее продолжение. Когда он решил жениться, она сожгла его паспорт, лишь бы помешать.

У Антона было все: репетиторы, лучший вуз, работа, на которую его устроили по большим связям. Тетя Лариса на него очень рассчитывала в старости. Так и говорила: «Антон будет меня содержать». Тетю Ларису ты хоронила, Антон даже на похороны не пришел. И на лекарства матери денег не дал, хотя мог, имел возможность.

А Катя из моего класса? Всегда считалась дурочкой с переулочка. У нее старшая сестра была умница и красавица, гордость школы. Все удивлялись: почему старшая сестра умная, а младшая – дура. Еле-еле учится, с двойки на тройку. Ушла в училище после восьмого класса – все с облегчением вздохнули. Когда их мама заболела, Катя за ней ухаживала. Старшая занималась личной жизнью, карьерой. Катя уколы маме делала, кормила с ложечки. Почти семь лет жизни ей подарила. Так что не знаю. Мне кажется, научить ничему нельзя. Или заложено в человеке, причем с рождения, или нет.

...И последнее. Если в твоей жизни случится атомная война, землетрясение или катастрофа – поезжай в салон, сделай маникюр. С маникюром ты быстрее решишь, что делать дальше.

– Нет, мам. Я и без маникюра могу. Я знаю, что буду делать завтра, послезавтра и в следующем месяце. У меня график расписан на год вперед, есть ежедневник, который лежит на подоконнике на кухне, куда я и все домашние вписы-

вают планы. Сима может написать на субботу «хореографии не будет» и поставить три восклицательных знака. Муж обводит кружочками даты командировок. Сима составляет отдельный список дел на неделю и ставит галочки – сделано. Даже Вася приблизительно понимает, что будет делать завтра.

Ты считаешь, что так жить нельзя, и до сих пор удивляешься, как я замуж умудрилась выйти. Да, я не яркая, как ты, я скучная и блеклая. Зато я неприметно держусь в стороне и записываю за тобой события, воспоминания, поездки. Спасибо, что не оставляешь меня без литературного материала. И да, я тебя очень люблю.

* * *

Про свою шахматную секцию мне мама часто рассказывала. Я запомнила один случай. Она тогда классе в десятом училась и уже играла за район. К ним в северокавказское село с инспекцией должен был приехать большой начальник из города. Очень большой. С очень большой инспекцией. Естественно, у начальника поинтересовались, как бы он хотел провести досуг до и после проверки: посмотреть выступление танцевального коллектива, послушать детский хор или насладиться игрой на осетинской гармошке – лучшего ансамбля в районе, между прочим? Начальник пожелал сыграть партию в шахматы, ведь село славилось своим шахмат-

ным клубом!

– Только я хочу с молодежью играть, – заявил начальник, – со стариками неинтересно. И чтобы сильная молодежь была. Пусть покажут, на что способны! Пусть дерзкие будут, как джигиты! И играют как в последний раз!

– Кого будем выставлять? – с ужасом спросил председатель сельсовета у руководителя секции Валерия Георгиевича.

– Как кого? Ольгу и Казика! – ответил Валерий Георгиевич, назвав имена своих лучших учеников.

– Казик подойдет, а Ольгу нельзя ни за что! – замахал руками председатель сельсовета.

– Казик без Ольги не согласится играть. Ему психологическая поддержка нужна. А Ольга? Ты же сам знаешь – она любого за пояс заткнет. Никого, кроме Ольги, назвать не могу.

Скрепя сердце председатель вызвал Ольгу и Казика.

– А нам-то какая радость? – спросила моя мама.

– Как тебе не стыдно такое спрашивать? Какая радость? Радость, что ты с таким уважаемым человеком будешь играть! Что представишь достойно лицо села! – возмутился председатель.

– Ближе к делу, – спокойно сказала мама.

– Еду вам дадим какую хочешь.

– Казик, ты хочешь еду? – уточнила мама у напарника.

– Нет. Муку, песок и кукурузу надо, – сказал Казик, который был очень хозяйственным парнем и с пяти утра помогал

отцу.

– Так, нам по мешку муки, песка и кукурузы. И по три рубля. Каждому.

– Ольга! Как тебе не стыдно? Как у тебя язык поворачивается такое говорить? Ты забыла, что ты советская девушка? Комсомолка! Ты же не какая-то продажная девица!

– Хорошо. Казик у два мешка муки, два песка и два кукурузы. А мне – пять рублей. Плюс рубль – на мороженое и кино, – улыбнулась мама. Казик открыл рот и забыл его закрыть.

– Вот, другой разговор! – обрадовался председатель. – Ведь можешь говорить как нормальный человек! После игры подойдешь к Алику – он все тебе выдаст.

– Нет, сейчас. У вас потом времени не будет.

– Да, ты права. Иди. Передай, что я разрешил все выдать.

Мама уволокла за собой Казика, который забыл, как ходить не только фигурами, но и ногами.

– Ты с ума сошла? – прошептал ее друг. – Он же поймет, что ты его обманула.

– Я же не виновата, что он считать не умеет, – усмехнулась мама.

Завхоз выдал все, что потребовала мама. Еще звонил, уточнял: все ли верно? Председатель подтвердил.

Наконец приехал большой начальник. Ему накрыли стол в кабинете. В соседнем помещении ждали мама с Казиком. И вот начальник отобедал и зашел отдохнуть – поиграть. Казик

от долгого ожидания задремал – с пяти утра на ногах все-таки. Мама отодвинула друга от стола и решила играть за двоих.

– О, вот это удивили! Девушка! – ахнул начальник. – А ты, дорогая, хоть знаешь, как фигуры называются?

– Знаю, – спокойно сказала мама, поскольку председатель, стоявший за спиной начальника, показал, как перережет маме горло, если она скажет что-то лишнее.

– А как они ходят, знаешь? – веселился начальник.

– Знаю, – ответила мама.

– Ну давай. Играй белыми, раз ты девушка. Могу тебе сразу ладью отдать, – махнул рукой начальник и расхохотался.

– Спасибо, не надо, я так попробую. – Мама робко сделала стандартный первый ход пешкой.

Начальник от радости крикнул.

– Какая умная девушка. Только, уважаемый, я же просил сильных соперников. Зачем вы меня так боитесь, что девушку подсунули? Проверку я уже сделал, документы заполнил. Все, я играть хочу.

– Она лучшая в селе. За район играет, – промямлил председатель сельсовета.

– И как ты за район играешь? – спросил начальник у мамы.

– Я играю так, как учит нас тренер. Чтобы каждый ход – как выстрел в голову. Чтобы после каждой партии соперник встал, схватился за сердце, упал и умер! – отчеканила моя

мама не моргнув глазом.

– Мудрый человек ваш тренер. Ладно, давай играть.

Они сыграли первую партию вничью. Начальнику услужливо подносили коньяк. Во второй партии выиграла мама.

– Может, хватит? – Председатель наматывал круги и не знал, как вывести начальника из-за шахматной доски и вернуть за накрытый стол.

– Нет, еще одна партия, – рявкнул он. – Эту я по глупости проиграл.

– Да, детская ошибка, – подтвердила мама. – Слона проморгали.

Казик очнулся от дремоты и следил за происходящим. На его лице отразился ужас. Он прекрасно знал свою подругу, манеру ее игры и понимал, к чему идет дело. Она собиралась разгромить начальника подчистую. Быстро и жестоко.

Шла третья партия. Мама сделала очередной ход и объявила шах и мат. Начальник встал, отошел от стола, схватился за сердце и упал.

Все рассмеялись. Но начальник продолжал лежать и не подавал признаков жизни. К нему не решались подойти.

– Что ты сделала? – тихо спросил председатель.

– Ничего. Слона съела.

– Если с ним что-то случится, – председатель дрожащим пальцем показал на начальника, – я заставлю тебя ишака съесть!

Мама вышла из-за стола, наклонилась над поверженным

соперником и прощупала пульс.

– Дышит. «Скорую» вызывайте, – сказала она.

Тут, конечно, все забежали, засуетились. Стали звонить.

Казик застыл над доской.

– Красиво, – сказал он, разглядывая положение фигур, – только тебя за это убьют.

– Не убьют, – хмыкнула мама, – сколько раз обещали.

Начальника увезли в больницу. Председатель запретил трогать шахматную доску и вызвал руководителя секции.

– Красиво! – сказал Валерий Георгиевич, разглядывая расстановку. – А предыдущую партию записала?

– Я записал, – сказал Казик.

– Дай посмотреть.

– Валерий Георгиевич! Что она сделала? Почему он упал? Она сказала, что вы ее научили так делать! Что-то про «выстрел в голову, схватился за сердце, лег и умер»!

– Именно так она и играла. Умница, – улыбался Валерий Георгиевич.

К счастью, большой начальник быстро пошел на поправку. В больнице ему поставили капельницу и вернули к жизни. Выяснилось, что он уже пять дней ездит по селам с проверками и беспробудно пьет. Да по нему и не скажешь, что пьяный. Даже видно не было. Многолетняя практика. А организм не железный. Вот и дал сбой.

– Так, держать язык за зубами. Чтобы никто ничего не знал! – велел председатель.

Про маму потом долго по селу ходили слухи. Что она отравила большого начальника, что выстрелила ему в голову, задушила, что он умер от позора. Казик, кстати, после этого случая бросил шахматы.

– Я никогда не смогу так, как ты, – признался он.

* * *

Мама поехала на рынок за продуктами и вдруг увидела новый рекламный щит. Поскольку она была за рулем, то прочитать рекламу не успела. Заметила только яркие золотые буквы и магические слова: «Скидки постоянным покупателям. Новые предложения. Каталог. Подарок каждому – 25 %».

Она решила, что на рынке открылся ювелирный магазин, а может, и мастерская. Она развернулась, приехала домой и нашла свою любимую сережку. Одну. Вторую давно потеряла. И опять поехала на рынок. Магазин она увидела сразу же – новая, сверкающая золотом вывеска, приветливая девушка на входе. Девушка предложила маме присесть на диванчик и выпить чай или кофе. Мама решила, что попала в ювелирный рай, и ее нисколько не смутило отсутствие витрин с образцами продукции. Девушка позвала менеджера и принесла кофе. Пока мама наслаждалась кофе, к ней подошел приятный мужчина в костюме и осторожно присел рядом.

– Чем я могу вам помочь? – заботливо спросил мужчина.

– Вот, мне нужна вторая такая же сережка. – Мама показала ему серьгу. – Вы можете сделать? Или что-нибудь похожее у вас есть?

– У нас, к сожалению, нет, – сдержанно ответил мужчина, возвращая серьгу, – но я могу дать вам адрес ювелирной мастерской, здесь, недалеко. Думаю, там вам помогут. Там очень хороший мастер работает.

– Ну хорошо, давайте я каталог посмотрю. Может, дочери что-нибудь выберу, – сказала мама.

– Хорошо, каталог сейчас дам. Только вы уверены, что вам это нужно? – мужчина начал нервничать.

– Конечно! Я же не колбасу пришла покупать! Между прочим, специально к вам ехала!

– Да, вы правы, не колбасу. Но мне кажется, вы все же ошиблись...

– Если вы хотите сказать, что у вас все очень дорого, то не волнуйтесь. Я могу себе это позволить! Несите каталог!

– Давайте объясню... – Мужчина искал поддержки у милой девушки-администратора.

– Нет, вы издеваетесь? – Мама начала раздражаться. – Дайте мне ваш каталог, или я сейчас же уйду и вы потеряете клиента!

– Вот и хорошо. Всего вам доброго, – обрадовался мужчина и начал бережно поднимать с дивана мою маму.

Но маму уже было не остановить. Она заявила, что не уйдет, пока не посмотрит все, что они могут ей предложить.

Даже самые дорогие изделия!

Мужчина кивнул девушке, и та аккуратно положила на столик каталог. Мама открыла страницу и увидела памятник, перелистнула – опять надгробие.

– Вы что, с ума тут сошли? – возмутилась она и схватилась за сердце. – Это у вас такой юмор?

– Женщина, ну я же пытался вам объяснить! Лена, неси лекарства, что там у нас есть...

Оказалось, новый магазин вовсе не ювелирный. То есть они, конечно, работают с золотом – делают надписи на надгробиях. Тонкая работа, между прочим. И у них, как в любом бизнесе, тоже бывают акции и скидки.

– До свидания, – сказал мужчина, когда провожал напившуюся валокордина маму до двери.

– Не дождетесь! – заявила мама.

* * *

Впрочем, тема смерти маму не оставляет. Во всяком случае, однажды, позвонив, она сказала следующее: «Я думала, что всё, это конец, представляешь?» Когда она мне звонит и сообщает, что у нее «всё», я сама готова проститься с жизнью от волнения. Когда мама приняла решение жить за городом постоянно, я очень переживала.

От ее деревни до ближайшего города, где есть рынок, магазины, аптека, салон и прочее, ехать двадцать минут на ма-

шине или сорок минут на рейсовом автобусе. Автобус ходит не по расписанию, а тогда, когда водитель решит поехать или соберутся люди на конечной остановке. Мама не так давно села за руль и все время боялась потерять документы и ключи. К машине и к поведению за рулем относилась с большой ответственностью. Оставить дом незапертым могла спокойно, а машину ставила на сигнализацию даже на участке. Про включенный уют забывала регулярно, но габариты выключала обязательно, проверив дважды.

Мама поехала на рынок – погода была хорошая, дорога свободная. Даже лихо обогнала рейсовый автобус на повороте. На рынке купила мясо, рыбу, курицу и заехала в салон сделать маникюр. И только там, доставая кошелек, заметила, что в сумке нет косметички, в которой она держит документы на машину и паспорт. Мама решила, что косметичку могла потерять на рынке, и из салона пешком двинулась в обратную сторону. Сесть в машину не могла ни при каких обстоятельствах – передвижение без документов грозило не только штрафом, но и лишением прав.

На рынке косметичка не нашлась. Маму там все знают как постоянную покупательницу. Возвращали же ей спустя неделю забытый пакет с фруктами (свежими, естественно, но как в прошлом заказе). Мама стояла около рынка, думая, что делать дальше, и тут ее осенило: косметичку оставила дома, на подзеркальнике в коридоре. В принципе, она же доехала до рынка без документов, могла бы и вернуться так же. Но нет.

Мама потопала на остановку рейсового автобуса. Простояв полчаса, села в автобус и немного расслабилась: через сорок минут будет дома, возьмет документы и вернется.

– А когда назад? – спросила мама водителя. Тот пожал плечами.

Автобус старенький, в городе такие давно не ходят. Мама подсакивала на кочках и даже вздремнула под равномерную тряску и радио «Милицейская волна» – единственное, которое там ловится. На очередной колдобине очнулась – за окном был совсем незнакомый пейзаж.

– А где мы? – уточнила она.

– Так маршрут новый, – ответил водитель, – с осени еще.

Водитель объяснил, что до маминой деревни они доедут еще через минут пятьдесят.

– Стой! – закричала мама.

Водитель резко затормозил.

– Чего?

– Я выйду.

– Не положено.

– Мне положено! Открывай двери.

– Женщина, лес вокруг, машин нет, куда вы подорвались-то?

– Продукты! – Мама билась в дверь.

Она вдруг поняла, что продукты, оставленные в багажнике машины, точно не долежат. Мясо потечет, рыба тем более, мороженое зальет все сверху.

Водитель пожал плечами и высадил странную пассажирку на обочине. Летом там еще есть некоторое движение благодаря грибникам, которые облюбовали местный лес, а так — тишина и покой.

Мама стояла и курила, думая, как добраться до города. Машин действительно не было. Ни в какую сторону. Спустя час она уже сидела на обочине на собственной сумке. Мобильный телефон не подавал признаков жизни. В легкой, рассчитанной на машину, куртке продувало. Через час мама, поделав махи руками, попрыгав на месте, выбросив в раздражении телефон в кусты и покопавшись там спустя еще полчаса, чтобы найти, выкурив последнюю сигарету, отчаялась окончательно.

Через три часа она замерзла, проголодалась и решила пойти пешком до ближайшей деревни. Проблема заключалась в том, что мама не знала, в какую именно сторону стоит идти. Эти места она не знала и за дорогой, пока ехала в автобусе, не следила. Но решила действовать. Она пошла направо, в ту сторону, куда поехал автобус. Прошла больше километра, но ничего живого на ее пути не встретилось. Потом мама заметила дорогу, которая шла от главной. Проселочная дорога с колеей. Мама пошла по ней. Но спустя еще полчаса уткнулась в дикий пляж, стихийно образовавшийся на берегу реки. В это время года пляж, естественно, оставался безлюдным. Мама потопала назад. Но, видимо, не туда свернула и попала еще на одну проселочную дорогу. В тот момент она

решила сесть и не двигаться, чтобы ее побыстрее нашли. Но ее никто не искал. Никто не знал, что она потерялась. Мама даже расплакалась от жалости к себе и раздражения на саму себя. Ну кто ей мешал зарядить телефон? И зачем она вышла из автобуса? Мама сдалась? Как бы не так. Спустя час она снова вышла на главную дорогу и очень собой гордилась. Ноги, правда, распухли, есть хотелось смертельно. Мама решила, что теперь точно по дороге кто-то да проедет. Хотя бы велосипедист. В тот момент она готова была убить велосипедиста, чтобы захватить транспорт. И остановить любую машину. Но дорога по-прежнему была пуста.

И тут, когда мама окончательно сдалась и примирилась с судьбой, которая приготовила для нее такой изощренный вид смерти, на дороге появилась собачья упряжка. Собаки с голубыми глазами бежали прямо на нее, высунув языки. Мама, воинствующая атеистка по убеждениям, перекрестилась и попросилась с жизнью – все, замерзла, начались галлюцинации. Откуда в Подмоскowie, в лесу, собачья упряжка? Да еще и породы хаски. Хаски вроде на Севере живут. Нет, конечно, в Москве тоже встречаются, но не в таком количестве. Когда упряжка остановилась рядом с мамой и здоровенный мужик затаскивал ее в сани на колесах, укрывал шкурой, кажется, оленя, давал выпить горячий чай из термоса, причем явно с примесью коньяка, она думала о том, за какие грехи ей уготован именно такой переход в иной мир? Почему ее переводят в ад – а мама не сомневалась, что ее ждут именно

адские котлы, – такие милые собаки с таким милым женщиной? И почему ей дают выпить чаю с коньяком?

– Вам куда? – вежливо уточнил мужчина. Мама в этот момент вспоминала всех архангелов, или апостолов, или как их там, чтобы правильно обратиться к «проводнику». Но в голове крутился только греческий Аид.

– А куда можно? – спросила так же вежливо мама.

– Так куда скажете. До города подбросить?

Мама кивнула. Собаки весело затрусили по дороге.

Мужчина высадил маму у въезда в город. На перекрестке.

– Нам дальше нельзя, – объяснил он.

– Я понимаю, – кивнула мама серьезно. Она вылезла из тележки, мужчина помахал ей рукой. Упряжка развернулась.

Мама стояла на обочине и покорно ждала, что будет дальше. Ведь ее должны забрать и повести дальше. Разве не так делается в потустороннем мире? И тут же рядом притормозила машина. Мама села.

– Вам куда? – уточнил веселый водитель.

– А куда можно?

– Да хоть куда!

– А к дочери можно?

– Не вопрос, были бы деньги!

– А вы какими берете?

– Женщина, так вы не без юмора! – обрадовался водитель. – Я любыми беру! Музыка вам какую поставить?

– «Милицейскую волну», если можно, – попросила мама,

потому что только эту радиостанцию смогла вспомнить своим замутненным мозгом. Это было последнее, что она слышала в реальном мире, пока ехала в рейсовом автобусе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.